

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ИДЕЯ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ

В.Н. Яхно

*Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого,
Республика Беларусь*

В двадцатые годы XX века в Софии оформилось новое идейно-политическое и общественное учение в русском послеоктябрьском зарубежье – евразийство, сохраняющее свое влияние и по настоящее время. Авторами и инициаторами этого движения стали Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский. В разработке теории приняли участие и многие другие видные философы, лингвисты, этнографы, историки и богословы (Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин и др.). Всех их объединяла серьезная критика Запада, европеизма, его влияния на исторические судьбы других народов. Оттого идею европейского превосходства, заимствованную у Древнего Рима, евразийцы рассматривали как своего рода бич человечества, как главный источник кризисов XX века. Самоуверенность европейцев настолько сильна, что распространилась на многие другие, неевропейские народы, писал Трубецкой в своей книге «Европа и человечество»: образованные слои этих народов стали оценивать свою самобытную культуру по европейским меркам и это вызвало у них комплекс неполноценности. Осознание собственной отсталости побуждает неевропейцев перепрыгивать необходимые ступени развития, пожирает все их силы и еще больше отчуждает от собственных традиций¹.

Евразийцы создают новое мировоззрение, новый взгляд на русскую и мировую историю, очень близкие славянофильскому мессианству и направленные против романо-германизации России. Как основу хозяйственной и политической жизни народов России они рассматривают Евразию (особый этнографический мир, занимающий срединное пространство Европы и Азии, приблизительно очерчиваемое тремя равнинами – Восточно-Европейской, Западно-Сибирской и Туркестанской) с её неповторимыми географическими, климатическими особенностями, животным и растительным миром. Евразия – это «месторазвитие» исключительной русско-евразийской культуры, область взаимовлияния разнообразных природных и социальных связей. Евразийцы резко выступают против национального обособления и сепаратизма отдельных народов бывшей царской России. Опираясь на геосоциологические взгляды С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.Я. Данилевского, они выводят из пространственно-территориальной общности России-Евразии единство и исключительность исторического пути населяющих ее народов (славянских, туранских, тюркских и монгольских), близость их культур, этнопсихологического типа, религиозных взглядов, чувств, языков и прочных политических связей. Русские, утверждали евразийцы, не европейцы и не азиаты, а евразийцы.

Популярность евразийского мировоззрения была чрезвычайной – это объяснялось тем, что новая историософия не только объясняла прошлую историю России, но и указывала исторические перспективы. Евразийцы жили чувством, что пришел к концу какой-то исторический цикл и начался новый. Так, исход революции и гражданской войны они рассматривают как компромисс между большевиками и русским народом. Народ принял единовластие, а большевики в значительной степени отказались от своих утопических планов. Революция, задуманная большевиками как путь к окончательной европеизации России, привела к ее деевропеизации. Из двух сил, совершивших

¹ См.: Пащенко В.Я. Европа и человечество – работа Н.С. Трубецкого //Русская философия: Словарь /Под общ. ред. М.А. Маслина. – М., 1995.

революцию, русский народ возобладал – это он навязал свою волю большевикам, а не наоборот. В сборнике «Евразийство» (1926) авторы утверждают: русский народ использовал большевизм, чтобы сохранить территориальную целостность России и возродить ее политическую мощь². А когда в начале тридцатых годов в СССР развернулась индустриализация и коллективизация, евразийцы были очарованы масштабом этих преобразований, характеризуя их как триумф централизованной плановой экономики, пришедшей на смену хаотичному ведению хозяйства. По мнению Савицкого это означало конец подражания Западу и свидетельство возникновения новой общественно-экономической модели, которая в перспективе завоюет Запад³. Однако, следует заметить, что в некоторых вопросах евразийцы сближались с большевиками: так они верили в примат власти над правом, насилия над равенством. Многие из них не скрывали своих симпатий к большевистской партии, надеясь на ее евразийское перерождение. Но, в конце концов, и коммунизм уйдет в прошлое: путь России – через покаяние и самопознание к реализации своей собственной сущности. Из опыта революции следовало, что здоровое общество может быть основано только на связи человека с Богом, а потому социальный идеал евразийцев должен был опираться на православие⁴.

Серьезные приверженцы евразийских идей были и в СССР. Самый известный сторонник этого мировоззрения – Л.Н. Гумилев, историк и географ, профессор Ленинградского университета. Он принимал основные историко-методологические выводы евразийцев, но не видел ответа на главный вопрос: что является причиной положительных или отрицательных этнических контактов («комплиментарности») между народами. По его убеждению этносы, как природные образования, подвержены воздействию неких «энергетических импульсов», посылаемых космосом и вызывающих «эффект пассионарности», то есть высшей активности. В таких ситуациях этносы претерпевают «генетические мутации», приводящие к зарождению «пассионариев» – людей исключительных дарований и энергии. Они становятся основателями новых суперэтносов и новых государств. Линия прохождения этого «пассионарного толчка» образует «зону этнических контактов», крайне благоприятную для «интенсивной метисации». Согласно Гумилеву, восточнославянская история «пережила» два пассионарных толчка. Первый раз это случилось примерно VIII-IX веках, второй – в XIII веке. Вследствие этого история Древней Руси и России – результат двух разных взрывов пассионарности, двух разных пассионарных толчков.

Подводя итоги своей историософии Гумилев подчеркивал, что именно пассионарность определила неповторимые этнические ритмы Евразии, где исторически доминирует великорусская культура и православие, что однако не предполагает изоляционизма и агрессивности. Для России нет иной возможности, как «быть... собой, то есть наш возраст, наш уровень пассионарности предполагают совсем иные императивы поведения», чем в Европе. Таким образом Россия, являясь открытой для достижений мировой цивилизации, «будет спасена только через евразийство»⁵.

² См.: Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. – 1993. – № 6. – С. 110.

³ См.: Половинкин С. Евразийство // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 176.

⁴ См.: Хоружий С.С. Карсавин, евразийство и ВКП // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 81.

⁵ Предсмертное интервью Л.Н. Гумилева // Социум. – 1992. – № 5.

